

Рассказ

Марина, простая российская парикмахерша, выйдя в июньское пекло улицы из искусственной прохлады магазина, натыкается у входа на людей, что-то с ласковым любопытством рассматривающим на асфальте... Ой, а там в обувной коробке маленький пятнистый щенок...

— Пацан бросил и убежал, — говорит кто-то в стороне. — Весь в слезах. Видно, жалко было...

И Марина не может уйти. Присаживается к коробке, забыв о подоле сарафана, широким кругом упавшим в пыль асфальта. Щенок с влажным, блестящим носом смотрит умными глазами.

Марина хочет погладить его, и щенок вдруг лижет её ладонь цепким язычком. И всё! Сердце и дыхание притормозило. Это безобидное существо уже её...

С сумкой и коробкой в руках Марина быстро уходит от магазина, сама не понимая, как это вышло со щенком. Даже и подумать не успела. Всё на порыве.

С Аркадием они живут десятый год. Сошлись уже зрелыми людьми, и всё бы ничего, если б не погруженность мужа в какие-то постоянные и туманные для Марины думы. Аркадий — бывший десантник, ростом за сто восемьдесят, с широкими ладонями, работает в охранный фирме и дежурит в ювелирном магазине. А в девятьнае годы и сам имел магазин.

Многие тогда шли в предприниматели.

Многие и разорились.

Теперь почти все они лишь посмеиваются над своими "пролетами", но для Аркадия это стало травмой надолго.

Почему он-то не смог? Ведь не глупее других...

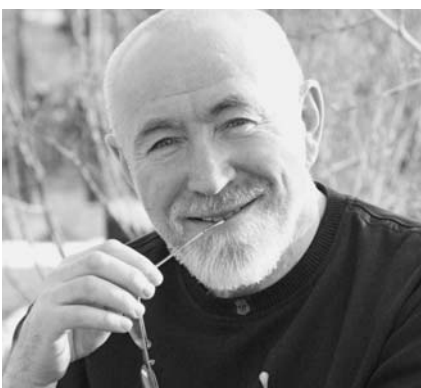
И вообще, почему мир устроен как-то не так?

— Ты как будто ждёшь, — говорит ему Марина, — что однажды ткнет тебя что-нибудь в макушку, и ты сразу всё поймёшь.

— Так тут, и в самом деле какой-то одной мысли не хватает, — отвечает он.

Может оно и так, но сколько же в этой мрачности пребывать? Так что такой домашний "смятатель", как собака, им не помешает. Только по-

нравится ли это мужу — стороннику почти армейского порядка? Ну, сначала она, конечно, похитрит, но если

что, так и коготки выпустит. Кстати, заодно и по его морщинистой урюмности, как на паровом утюге прокалится...

На Аркадия ей вообще-то жаловаться трудно. Он не курит и не выпивает. Совсем!

И грех у него лишь один. Вот если бы в России существовала академия мата, то Аркадия взяли бы туда ректором, причём, без всякого конкурса. Благо ещё, что матерщинник-то он не обиходный, но уж если что-то цепляет его, то он, как баян, сразу перепрыгивает на другой регистр.

— Может тебе как-то про себя попробовать... — советует однажды Марина.

— Про себя... А ты попробуй про себя все свои звуки, когда мы с тобой под одеялом...

М-да, посоветовала на свою голову, а точнее, на красивые уши...

В последнее время поводов для взрывов Аркадия лишь прибавилось. Скажи ему "Украина" и уже шерсть дыбом!

Вот там-то он в своём десанте и служил.

Армия для него вообще как особая, праздничная страница жизни, а Украина вроде второй родины!

По весне и по теплу Аркадий, жалая уши жены, стал высказывать на балкон. Только балкон-то у них не застеклённый... А соседи?!

Буквально на днях поднимается Марина по лестнице вместе с соседкой Татьяной Ивановной, учительницей русского языка и литературы на пенсии, и та смотрит на неё чуть не плача.

— Мариночка, может каким сове-

том помочь? Ругаетесь, слышу...

— Так он же не на меня, — теряется Марина.

— А на кого?

— Так на Юлю Тимошенко. Ну, и на прочих: Яценюка, Турчинова, Кличко...

— А-а-а... — смущённо тянёт Татьяна Ивановна, любительница поэтов серебряного века. — Ну, тут-то он прав... Я тоже за новостями слежу. А ведь верно: по стилю-то он ещё и мужской род во множественном числе использует.

...Коробку Марина ставит у порога, определяет ценку блюдец. Убе-

Александр ГОРДЕЕВ

дившись, что это кобелёк, думает, что хорошо бы успеть придумать кличку, которая понравится Аркадию.

А что если "Крым"? И тогда муж уже не скажет: "Не нужен мне твой Крым". Просто язык не повернётся. Хотя, тогда придётся говорить: "Крым, служитель", "Крым, лежатель". Нет, не то...

Хорошо бы что-то с намёком на Украину, но не назавёшь же такого симпатичного щенка Яценюком...

Сегодня на щелчок двери Марина не выходит. Пусть Аркадий сам познакомится со щенком. Слышно, как он скидывает туфли, переодевается в комнате, шумит краями в ванной. Конечно, щенок попал на глаза ему уже не раз.

Появившись на кухне, Аркадий молча целует Марину в щёку. Похоже, играет, мол, не заметил ничего. И, как всегда, в своей хронической задумчивости.

Налив ему суп, Марина забывает про ложку. Аркадий сам идёт к шкафу... Один его носок оставляет на линолеуме мокрые пятна.

Марина испуганно выглядывает в коридор. Щенок сидит уже под стулом, а посреди прихожей — лужица. Не чувствовать мокрого носка Аркадий не может.

Значит, притворяется. А это уже не хорошо...

Да ещё эти киевские неприятности по телеку, главная из которых — инаугурация президента, фамилию которого Аркадий без всяких вывертов не произносит.

— Аркаша, — просит Марина, — ты бы снял носки-то, а?

Муж, поглощённый новостями, стаскивает их ногами, наступая один на другой.

Да Марина сейчас и сама была бы рада снять с него носки.

А в Киеве, выйдя из чёрного лимузина, по красной дорожке ступает будущий президент...

Нет, слово "ступает", пожалуй, не его. Он просто грузно и как-то отможено идёт, опустив почти безучастные руки.

И тут случается казус с солдатом почётного караула. За шаг до кандидата солдат начинает раскачиваться,

Люди и твари

роняет карабин, а когда кандидат минует его, то едва не валится сам.

Однако будущий вождь спокойно движется дальше. И камера обличающее крупно показывает его лицо с прочно устоявшейся чванливостью.

— Тва-арь! — почти восхищённо и в то же время брезгливо произносит Аркадий. — Вот тварь так тварь...

"Тварь"? — удивляется Марина. Только и всего? Да, конечно, не только — это лишь начало. Но Аркадий вдруг... задумывается.

А потом, оставив новости, уходит в комнату, пересекая прихожую со щенком.

Марина придерживает дыхание. Да чёрт с ним, с президентом, лишь бы щенок из-за него не пострадал. Но где переклочение на повышенный регистр?

В комнате тихо.

А как муж на балконе... Только бы там не взялся митинговать.

Церемония, между тем, идёт. Президент что-то произносит, положив ладонь на старую толстую книгу.

Потом в его руке появляется булава. Водарился, в общем...

Ну, и ладно...

Муж стоит на балконе, спокойно глядя вниз. Жена притыкается рядом.

— Вот всё и прояснилось, — говорит Аркадий. — Понятно, почему всё на свете не так...

— Ну?

— Просто все мы, люди, разные...

Жена отворачивается, скрывая лицо. Хорошее открытие за двадцать лет...

— Конечно, — соглашается она. — Все мы разные. Так же как есть доб-

ро и зло.

— Да не-е, тут другое... Все мы, оказываясь, делимся ещё на людей и тварей.

— И?

— Потому-то я не разбогател. Я просто не знал, зачем мне это. Ну, машина, квартира и прочее — это ясно. Но я же дальше смотрел... А дальше-то — весь смысл денег лишь в самих деньгах, в голой цифре. И этого я не понимал. А значит, и азарта не имел... А деньги любят азартный счёт и не любят тех, кто их считает вяло. Потому и живём не

богато, а средне, как все нормальные люди...

— А твари это кто?

— Те, кто вопроса зачем? не знают. Гребут, и всё. Для самой цифры. А до вопроса зачем? не достают. А мы, дураки, ещё завидуем им... И даже уважаем. Недоразвитых... Тварей, не доросших до правильных проповедей.

— А дальше что?

— А то, что у людей есть лишь две войны. Первая — это когда твари воют с тварями за цифру. По флагу им в каждую руку. А вторая — когда твари воют с людьми, когда с одной стороны цифра, а с другой — дух. Только цифра, какой бы крупной и зелёной она ни была, никогда не победит дух. У цифры гнилая основа — ложь. И самое страшное для тварей — прозреть и эту основу увидеть. Вон Березовский... Хоть и убежал в Лондон, но его и там этот, в основном, русский вопрос догнал.

— А почему русский? — Ну, сложилось так... Почему-то другие мало им задаются. Березовский задался. "Зачем?" — спросил он себя и прозрел. А позднее прозрение — это же полная моральная хана.

— А как ты с новостями-то всё это увязал?

— Но там же такую тварь показали. Порокостную. Он, как динозавр из мультяшки. Идёт по этой дорожке, как за мешком с деньгами. И даже руки для мешка приготовил. Чего там какой-то солдатик... Можно переступить и через него, и через любого ребёнка...

Да хоть через сотню или тысячу человек сразу. У него даже

(а ведь когда кушаешь, торопишься не надо).

Сожрали всю нашу картошку. Главный иногда посматривает на часы. Встал, справный, довольный, улыбающийся. Обращается к матери: *Киндер век! Шнель, шинель*. Мать берёт меня на руки, пятится к печке на своё место.

Все притихли, что-то сейчас будет. Собака напряглась, мелко задрожала, застыла в стойке. Офицер держит многозначительную паузу.

Лёгкий, почти незаметный, царственный жест рукой... медленный, как будто замерший полёт... собака в моей кровати, на моём месте.

Толчок был мгновенным, абсолютным не фиксируемым человеческим глазом. Плюх, напротив, был грузным и тяжёлым. Кровать аж кряхнула, закачалась из стороны в сторону, но не разломалась. Сделана на совесть.

Всю жизнь у меня стоит перед глазами этот грациозный собачий полёт. Вроде как при чемпионском прыжке с трамплина, при замедленной съёмке.

Стоп взорвался, псина осознала триумфальность трюка, свою значимость. Свою принадлежность к арийской расе. Не мигая, она смотрела в глаза хозяину, с её красного языка большие капли слюны падали на мою подушку.

Где моя собачка, она её, наверно, задавала?

В кровать со стола полетели куски тушёного мяса, колбаса, шоколад.

жилка не дрогнула помочь. Как шёл с лицом чмодаана, так и дальше этот чмодаан понёс. Люди потом скажут, мол, с карабином был плохой знак... Но главный-то знак бы в морде этого упыря. По ней сразу видно, кто он и что Украину ждёт...

— А что её ждёт?

— Э-э... Вот появивсь сейчас вон там, на углу, наш батя, товарищ Маргелов, и свишни мне: "Эй, Аркаха, вот твой АКМС, айда Киев спасать!", так я бы прямо сейчас с балкона сиганул, даже без вещей... А документы ты бы мне вдогонку полевой почтой отправила... Этим тварям положено не по красным дорожкам гулять, а красными соплями утираться.

— Но там же церемония...

— Ах, це-ре-мония, говорите?! — взрывается вдруг Аркадий, и Марина опасливо озирается с балкона.

— Ну, а ты что бы сделал?

— Да я бы элементарно спросил: "Сынок, ты чего? На солнце перегрелся? Долго тут стоите? А-а-а, меня, козлина, ждёте?!" И разнёс бы там всех, как будущий президент. "Вы зачем всю эту х... затеяли? Какой-то, б...а, карнавал с какой-то красной дорожкой!"

Марина втягивает голову в плечи. У них ведь и другие соседи кроме Татьяны Ивановны есть...

— Ну всё, всё, Аркаша, чего ты...

Тот, спохватившись, стоит, едва не задыхаясь от ещё невысказанного. Ну, ёлки, снова сорвался...

Марина чувствует вдруг, как в ногу мокрым носом тычется щенок.

Аркадий, услышав писк, подхватывает щенка и держит его, словно показывая вид с балкона.

— Смотри, где мы живём...

Такого светлого выражения на лице мужа Марина, кажется, ещё не видела. И теней на лице никаких — теперь ему всё понятно.

— А знаешь, Мариша, — говорит Аркадий, прихватив своей длинной рукой мяжку, тут же доверчиво прильнувшую жену, — быть человеком всё равно приятней, чем быть тварью...

— Аркадий, не говори красиво! — вспоминает вдруг Марина знаменитую тургеневскую фразу.

Они смеются и уходят в комнату. Им надо обдумать кличку щенку, которую так и не придумала Марина.

А-а, да чего уж там — теперь Марина согласится на любое предложение своего Аркадия...

Из цикла автобиографических рассказов о войне

Зима. Вечер. Деревня под немцами. Разместились они ближе к центру. Там и дома побольше и, главное, место получше, центр всё-таки. В избу к нам заходили только раз, в самом начале.

Всё обшарили: и двор, и погреб, чердак, сеновал, дрова. Пригрозили: за партизанен унд официрен будут шиссен, паф-паф. А вот обходы делают регулярно, два раза в день, с утра и под вечер. По двое. К нашему дому не подходят. Только издали: *матка, партизанен?*

Тётя Ксюша им отвечала по-немецки: *найн, найн*. Они уходили. Иногда тётка издевалась: иди сам посмотри. *Ком, ком!* Они топтались, переговаривались, показывали на глубокий снег. Тётка понимающе: да, да, снег глубокий. Возвращалась в избу довольная: бояться, немчура проклятая.

Готовимся ложиться спать. Моя любимая собака, тряпочная, плюшевая, с длинными ушами, уже при мне. Я накручиваю вихры — верный признак, что готов.

Мать кладёт меня в качку — это такая детская кроватка, как и теперешние, только не на колесиках, а на изогнутых полозьях. Чтоб можно было качать.

Вдруг стук в окно, грохот в дверь, прикладами. Бьют не жалея. Шум, противное крикливое немецкое гарканье, нетерпеливый собачий визг.

Перепуганная тётка с матерью: видать, что-то случилось. Быстрый отворот, а то ж стекла побьют. Что тогда делать, зимой-то.

В избу вваливаются человек пять. Один офицер (фриц, значит). Впереди овчарка. Солдаты, толстые и здо-

стол своё: бутылки, колбасу, консервы, шоколад. Много всего. Суют шоколад мне.

Овчарка навтыяжку сидит у двери, прямо напротив меня. К столу не подходит, на меня внимания не обращает. Подобострастно демонстри-

руют. Она всё понимает. Глаза блестят, изредка бьёт хвостом по полу. Не шелохнётся.

Я ни жив, ни мёртв. Вожу глазами по кругу: мать с тёткой прислонились к белой печке — раскрасневшиеся немцы за столом — собака, большая,

Немецкая овчарка

Валерий ПЕТУШКОВ

ровые, в касках с автоматами. На ремнях металлические ребристые баулы. *Партизанен?* Тётя Ксюша разводит руками.

Двое быстро всё осмотрели: на печке, за печкой, под печкой. Даже в печку заглянули. В ведра, чугунки. Убедившись, что всё в порядке, довольные расслабились, загоготали. Громко, наперебой, смеясь и радуясь, загалдели на своём.

Офицер от солдат отличался. У него другая была шинель, на голове фуражка (дурачок, нешто зимой без шапки можно). Он длинный, его все слушаются. Стали расстёгивать шинели, снимать ремни. Мать с тёткой побледнели. *"Матка, ессен, зуппен, зуппен"*.

На коверканном русском пытаются объяснить, что они хорошие, добрые, злого ничего не имеют. У них там, в Германии, есть свои фрау и киндер, фатер и мутер.

Тётка заторопилась, достала из печки всё, что было — щи и картошку, ещё горячие. Поставила миску с солёными огурцами. Они вывалили на

рует свою преданность фрицу. С ошейником, серая, огромная, красивая. С ней разговаривают, похвали-

страшная, с зубами.

За столом галдёж. Пьют и едят много, заглатывают целыми кусками

Рассказ

Случай свёл меня с бывалым потребителем природы. Он свалился мне на голову с вертолёт, и я не мог от него избавиться, поскольку начальница попросила приютить его: он ей родственник. Да и куда его прогнать с метеостанции, затерянной в тайге? По рации начальница мне так его обрисовала: он любит природу не хуже Тургенева и такой же охотник. Правда, не писатель, добавила для ограничения схожести.

Этот полу-Тургенев оказался гордовским мужчиной среднего роста с подвижными глазами (смышлёный) и несколько спитым лицом; он обожал пиво и природу, особенно в части закатов, пикников и стрельбы по животным.

— У глухарей любовь, у дурачков, а я подкармливаюсь... Между прочим, я тоже был дурачком в своё время.

А я про себя пожалел, что его в то самое время не подстрелил какой-нибудь любитель природы.

Он отстил у меня десять дней и за это время успел внушить глубокую к себе неприязнь. Десять суток реального времени я съез из-за него, борясь против растущей ненависти.

Под конец я готов был уничтожить этого юридически безвредного мерзавца.

Пару раз он выходил спозаранок с невероятной ценным ружьём, которое своей красотой и ценностью наводило на его лицо одухотворённую строгость. Это ружьё подарил ему сам начальник районной охотинспекции,

со священным трепетом.) Меня удивляло, что рассказчик не находил в своём прошлом ни одного приметного события. Несколько раз он вспоминал, как устроился работать водителем на КРАЗ и как его собирались уволить, но он их ловко опередил и сам уволился.

Несколько раз поведывал, как по

Этот любитель стрельбы по природе (отнюдь не по частно-тургеневской, а по нашей общей) произносил сумасшедшие слова, стрелял и плевался ими.

Мы садимся пить чай, он добавляет себе в чашку спирта и сгущёнки: "Так офигительно вкусно и полезно, хрен знает как", — и приступает к про-

Андрей ГАЛЬЦЕВ

который тоже с ним в родстве.

Встречается порою избранный человек, которого судьба наградила всякими полезными родственниками, и чем ничтожней он, тем они влиятельней. (Я ничего ему не прощал.)

Возвращался он из утренних тургеневских походов без добычи, слава Богу, понуры, вздыхал о пиве, запасы которого иссякли, нехотя извлекал из рюкзака некий vyšший спирт в матовых бутылочках, полученный по праву родства от одного технолога на спиртзаводе. Вскрывал тушёнку, наполнял стопку и заводил разговор о полях. Он любил себя благородно, то есть ни за что и без какой-либо дальнейшей выгоды. Он открыто собой восхищался, также ни за что, а в силу природного умиленья. Чем больше он выпивал своего чудесного спирта, тем больше его разбирала охота к бахвальству.

Нет, спиртовая тенденция мифологизировать свою жизнь — явление общеизвестное, да и вполне трезвый человек переживает свою жизнь именно как миф. (Древние земляне подобным образом переживали мировую историю; сегодня мы не опускаемся до мировой истории, но исключительно собственную судьбу трактуем ярко, образно и переживаем

Новый йети

причине гордого самолюбия не своровал чужой кошелек, хотя надо было и, главное, можно было.

Убежал от его историй на метеоплощадку или в лес, но он или настаивал меня или преданно ожидал у крыльца. Всякое времяпрепровождение в его жизни сопровождалось курением. Я первым делом видел дым и лишь потом — его фигуру, темнеющую внутри дыма, подобно личинке в шёлковом пуху. Он мне рассказывал, как женился и чуть было не развёлся. И ещё о чём-то... но я ни в чём не мог разглядеть хотя бы искорку живого смысла.

"Обо мне хоть книгу пиши", — приговаривал он. (Книгу-то нет, а вот заметку пиши.) Да не в том беда, что он выдавал всякий житейский хлам за интересный сюжет: я встречал более скудных и вовсе нищих повествователей, и всё же не испытывал такой досады. Беда сидела в его языке. Восполняя нехватку содержания, он матерился. На одно приличное слово приходилось до трёх матерных довершков. А слова для меня много значат, поскольку я в них живу. И слова ближе к мозгу, чем поступки. Звучащие смыслы живут во мне, или я живу в них... важно то, что он ими завладел, то есть моим сознанием.

изнесению безумных слов. Я выражаю протест, он тоскливо морщится, извиняется, но беседовать без мировых оскорблений не может. Здоровые, культурные слова обрисовали бы его пустую жизнь именно как пустую, а он-то хотел значительности.

И вот, блуждая взором по безвинным предметам, без толку моргая и кривляясь, он закатывался словесным выводом из своих умственных потёмков грубо-карикатурный мужской орган, потом не мешкая добавлял к нему вездесущую продажную шлюшку, ну и следом — некую родоплеменную мать, которая тем и знаменита, что все друзья и недруги имели её. (Чья она мать?) Затем, подобно волосатой бабочке, влетала вагина... член то и дело брякался об стол, напоминая о себе, однако никто из них ничего не замечал. Они рождались... и вновь рождались непрестанно.

О чём же вёл рассказ этот заезжий стрелок? Неизвестно о чём. Ему важна была речь, её поток, звукокорд. Произносила слова, он ощущал себя творцом страшных монстров — знай наших!

Они появлялись в пространстве слуха без нужды, без отношения к сути рассказа — и сразу же пропадали, но безумный творец вновь и вновь

выталкивал их на белый свет: член, гуляющую мать, хоролов шлюх и некоторые половые фантазии, включая вагинальную пропасть, которая, чуть что, превращается в смертный приговор.

Помню, я нарочно посмотрел на стол, чтобы разобраться в обстановке, однако ничего подобного, то есть ничего похабного на столе не нашёл. Здесь мирно расположились готовые нам услужить: заварочный чайник, две чашки, сахарница, блюдец с баранками и ложечка. Под ними стелилась клеёнка, изукрашенная цветочками, точно райский луг. У края стола возвышалась горка смятого вафельного полотенца... или, если присмотреться,